

А. И.
КУПРИН

Избранное

Лазурные берега

Александр Куприн

Симье (Cimiez)

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Симье (Cimiez) / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1912 — (Лазурные берега)

«Очень длинный, утомительный для лошадей, спиральный и извилистый путь по шоссе... Темнота. Наконец видишь звезды, которых никогда не видел в Ницце из-за пыли и туманов, обоняешь свежий сладкий запах ночных трав. Кони благодарно отфыркиваются. И вот через час мы в Симье...»

Александр Иванович Куприн Симье (Cimiez)

Как-то вечером мой друг, извозчик господин Альфред, после того как мы с ним съели целое блюдо варенных в томате улиток и запили их белым вином, сказал мне:

– А отчего бы вам, господин, не посмотреть на развалины древнего римского цирка в Симье? Не могу утверждать достоверно, кто строил этот цирк: Юлий Цезарь или Август, но путешественники от него в восторге, особенно американцы. В сезонах мы их возим туда наверх тысячами.

Пришлось поехать.

Очень длинный, утомительный для лошадей, спиральный и извилистый путь по шоссе...

Темнота. Наконец видишь звезды, которых никогда не видел в Ницце из-за пыли и туманов, обоняешь свежий сладкий запах ночных трав. Кони благодарно отфыркиваются. И вот через час мы в Симье.

Все лжет на лазурном побережье. Одни римские развалины не лгут. Только надо приехать ночью, как я, одному, забыть, что сзади тебя торчит огромный каменный чемодан – английская или, может быть, американская гостиница, забыть об ацетиленовом фонаре, освещающем цирк. Только постоять и послушать.

Огромный овал цирка. Вокруг него арки в пять человеческих ростов вышиною. Над ними второй этаж таких же чудовищных пастей, из которых некогда вливался нетерпеливый народ. Но уже своды кое-где разрушены временем. И арки торчат трогательно вверх, точно протягивая друг другу старые беспомощные руки. А еще выше подымается гигантской воронкой древняя, сожженная солнцем земля, на которой когда-то сидели, лежали, пили скверное вино, волновались и ссорились беспощадные зрители и решали судьбы любимых гладиаторов одним мановением пальца... Бог весть, знали они или не знали, что накануне вечером в Ницце их жены, дочери и сестры дарили ласками сегодняшних «morituros»¹?

Тишина... Я один. Слава богу, никто не видит слез, которые бегут по моим щекам.

Горько пахнут повилика и полынь... Вот круглый низкий выход из подземелья.

Оттуда выпускали зверей. Стены еще сохранили следы железной решетки... Вот теневая сторона... Там, несомненно, была ложа владыки цирка, но от нее не осталось ни призрака. Цирк в длину около двухсот шагов, шириною около полутораэта. Обхожу его кругом по барьеру. Кирпич звенит под ногами, как железный, кладка цементная, вековая, а в трещинах выросла тонкая трава, иглистая, жесткая, прочная, терпкая. Вот и теперь она лежит передо мною на письменном столе. Я без волнения не могу глядеть на нее.

Слава богу – ночь. И я не вижу тех обычных надписей, которыми изрезаны, исцарапаны, раскрашены все прекрасные развалины и памятники золотой старины. Но, уходя, невольно чувствую смутную тоску по тому времени, когда жили люди огромных размахов, воли, решений, спокойствия и презрения к смерти.

На обратной дороге меня уже ничто не утешает. Светят электрические фонари.

Сияют огнями гостиницы для американцев. Слева и справа гостеприимные открытые бары. У извозчиков автоматические тормозы. Трамваи. Автомобили. Но ничто не умеряет моего глубокого трогательного чувства, которое я пережил в развалинах древнего римского цирка.

Да и, по правде сказать, кто возьмет на свою совесть решить, что лучше: Америка, социализм, вегетарианство, суфражизм, фальшь всех церквей, взятых вместе, политика, дипломатия, условная слюнявая культура или *Рим*?

¹ «Смертников» (лат.).

Мы едем вниз, и все холоднее и холоднее пахнут кустарники. Темно. А по обеим сторонам дороги, журча, бегут ручейки.

Когда-то римские владыки подняли воду наверх, на горы Симье, и две тысячи лет подряд она бежит и бежит живым источником...